

## Вальтер Альбертович Швагерус

Родился 18 декабря 1917 г. в немецком посёлке – колония Карас (до 1937г.), а после войны посёлок Иноземцево, Ставропольского края. Наше поселение было большое и богатое, корни его начинаются ещё при Петре I. С 5 лет я остался сиротой, семья у нас была 14 человек вместе с отцом и матерью, я был самый младший. Мои братья Август и Яков красные партизаны, Александр работал машинистом. Фёдор вступил в комсомол в 1920 г. и работал чекистом. Я поступил в Ростовский техникум транспорта в 1936 г., и окончил его в 1940г. По направлению ушёл в пароходство, работал вторым помощником капитана. 18 октября меня прислали на службу. Служил я в 157 кавалерийском полку 24 дивизии. Когда началась война, нашу часть отправили на акупацию Ирана. Сын шаха учился в Германии в военной академии, и у него были фашистские настроения. И он с шахом не соглашался по поводу политических отношений. У СССР с Персией был договор от 1921г: если в связи военных международных конфликтов Персия будет предоставлять территорию враждебным государствам, то без предупреждения СССР будет оккупировать. Шах пошёл на капитуляцию, а сын нет, начал оказывать сопротивление. В это время союзная коалиция решила, что англо-американские войска оккупируют Персию со стороны Персидского залива. Мы стояли в Степанокерте и ночью 25 августа форсировали пограничную речку и стали продвигаться в Персию. Дальше я проходил службу в истребительном взводе нашего полка, который боролся с бандитизмом. Вдруг 23 сентября меня вызывают и говорят – сдайте своё военное снаряжение и отправляйтесь в штаб. Я думал, что меня отправят на Западный фронт, т.к. у нас командир искомдрона был Иштопин, участник Гражданской войны, матершинник. Прихожу в штаб, сижу, жду. Вдруг вызывают Шмидт, Вебер и другие все немцы. Нам дали направления, отправиться на свои территории в Кировокан – там будете проходить дальнейшую службу в строительном батальоне. Добрались, как могли, но в Кировокане нет такой части, в Ленинобаде нет, исколесили Тбилиси. Я всем говорю – давайте отправляться на свои зимние квартиры, где раньше служили до начала войны. Приходим туда там наступление немцев, поляков, западных украинцев – этим людям не доверяли. Но я этого не знал, нас не предупредили, но, оказывается было указание Верховного Совета – немцев, служащих в военных частях – увольнять. До 30 сентября пробыли в Кировобаде, потом погрузили в вагоны и увезли, куда – неизвестно. Мне было 22 года, были одни молодые и одни немцы, человек 300. Становилось всё холодней, вагоны были телячьи. Где-то выскочили, нашли какую-то бочку, дно пробил, поставили в вагон и стали топить. Первые два дня давали сухари, а потом вообще ничего не давали. Какая-нибудь станция, все выходят голодные и обнаружили вагоны с мукой. Открывали их и брали муку. Конвоиры кричат, но никто не слушает. Числа 25 октября нас привезли, открыли, а тут зима – привезли в Киров. Мороз 25<sup>0</sup>, а южная армия, если пехотинцы, были одеты в сапоги, пилотки – были похожи на пленных немцев с картинок. Нас гнали, народ собирается, говорят: «О, пленных немцев везут». Пригнали нас в большой деревянный барак, там были двухъярусные нары, одна голландская печка. Загнали нас как селёдок в бочку. Как зашли так всё инеем покрылось, даже соломки не было, спали не раздеваясь, т.к. если разденешься, то могли украсть одежду. Нас гоняли на строительство ж/д, некоторых в мастерские. Конвоя тогда не было, т.к. мы находились в ведении наркомата обороны, у нас были свои командиры и лейтенанты и т.д., ходили строем. Выйдешь на работу в одних сапогах, а мороз под 50<sup>0</sup>, аж лёд взрывался, тишина, туман: до 3 метров человека не видно. Условия ужасные, тоненькие шинели, бани не было. У всех были вши. Затем нам привезли одежду, фуфайки, они были сшиты из всяких разных материалов – синие, зеленые и т.д. Ватные брюки – разноцветные. Там мы оставались до нового года, и одежду привезли уже под новый год.

Потом нас стали распределять, некоторые попали на склады, там доставали валенки – это было как счастье. Затем нам привезли лапти, а я даже не знал, как их носить. Разговорился я как-то с фельдшером, и он мне сказал, что нас будут куда-то отправлять,

потому что мы все говорили на русском и общались с людьми, и они стали удивляться какие это немцы, когда это русские. Нас в мороз погнали через лес, подальше от людей, чтобы нас никто не видел. Нас было около 230 человек. Пригнали нас в мехлеспункт, в посёлок Пеляндыш. Отпустили нас по баракам, пошли все по деревянным баням – париться. Проверяли на вшей, держали в бане по двое суток, не выпускали, а барахло прожаривали на камнях. А в бане как: вверху жарко, дышать не чем, а вниз спустишься, там вши. Потом проверяли, у кого вшей нет, отпускали в барак, давали подушку, одеяло, пододеяльник. Я разместился около печки.

Теперь мы находились под ведением ....., на русском разговаривал плохо, мы его всегда дразнили. Приспосабливались к жизни кто как мог. Я работал мотористом, мне было уже легче, я в лес не ходил, пилил чурки, свет налаживал. Работали много: с утра до вечера. Питались плохо, под снегом гриб найдёшь, поджаришь на костре и ешь, иногда у местных картошки просили. Иногда дело доходило до того, что наблюдаешь, как женщина помой выносит – туда накидываются, кто что успеет, тот схватить.

Когда Вятка вскрылась, нас всех погрузили на баржу и повезли по Вятке, Каме, Волге в село Мурдари, а очень многие ребята наши заболели куриной слепотой. Кое-как добрались, поставили огромную, но очень холодную палатку. Нам сказали, что направляют на строительство ж/д, выстроили нас, перед нами стал начальник строительства, и его жена – прораб, очень строгая: «Здесь вам не армия, здесь лагерь, вы-эки».

Наша трасса пролегла через поля – кругом была рожь, чечевица, пшеница – как её осенью собрали так и оставили до зимы. Проползешь через охрану, намолотишь пшеницы и обратно на трассу, а там делаешь уже что хочешь, охрана не вмешивается. Разведёшь костёр, поджаришь эту пшеницу.

Потом из нас стали отбирать людей, отобрали человек 100 и отправили нас этапом в совхоз в Ульяновской области. В это время как раз было наступление фашистских войск на Сталинград. Наши гнали весь скот с Украины вглубь страны, и нужно было весь этот скот принимать, а для этого нужно было строить базы и заготавливать корм. Там мы носили сено. Охраны уже не было, и отношение стало другое – стали понимать, что мы не пленные немцы. Также мы там строили базы. Ну а я там приспособился, я на русском говорил хорошо, а были ребята из Поволжья, которые плохо говорили. Я работал гардеробщиком, бригадиром, полеводом. Режим был, зона была, предупредительная, закрытая, собаки бегают в общем как зона – вышки, пропуска. Таким образом, я там был с 12 июня 1942 по 1948г.

Охранники были внутренние надзиратели и проходная. Отношение было как к заключённым. Супруга моя была мобилизована в этот совхоз, т.к. он был в распоряжении НКВД. Там было 4 фермы: Октябрьская, Первомайская, Ленинская, Пятисотая лесная колонна. Пригнали молодёжь – дармовая рабочая сила, и совхоз этот начал подниматься до миллионера. Потом этот совхоз передали в главное управление лагерями ж/д строительства СССР. Девушек туда мобилизовали на прополку, поливку. Постепенно мы познакомились, когда с нас сняли режим – поженились. Когда война кончилась, нас из этой зоны выпустили и переименовали нас в спецпереселенцев, т.е. внутри своей зоны мы могли спокойно передвигаться. Если надо отлучиться, то надо спрашивать разрешение. А в нашу зону перевели истинных заключённых: полицаев, старост, бытовые статьи и т.д. Раньше нам зарплату не платили. Нас начали передавать в комендатуру. Мне дали направление в Томск. Нас направили на благоустройство города, потому что до 1947 г. Томск находился в составе Новосибирской области, потом образовался как область и теперь стали благоустраивать его: асфальтировать улицы. Была дорожно-мостовая контора, тогда не было асфальтоукладчиков, просто привезут машину, и граблями раскатываешь.

В 1956 г. нас вызывают на отметку. Была возможность устроиться по своей специальности, т.к. здесь было пароходство. Но комендатура меня не пустила, т.к. каждые 10 дней нужно было ходить на отметку, чтобы никуда не сбежал.

Жили мы в общежитии на Пушкина у Белого озера. Койка стоит отгороженная простынею, там другая койка и другая семья живёт.

В 1956 г. вызывают, передо мной бумажка – я такой-то, такой-то, обязуюсь своё имущество не требовать и на прежнее место поселения не возвращаться. Если я такую подписку дам, мне дадут открепительную, и я больше не буду ходить на отметку, и могу устраиваться, где могу.

Потом дали квартиру. Я работал мотористом, в милиции работал по ремонту автомобильных двигателей, потом перешёл в автобусный парк. Стал хлопотать квартирой, писать в газету. Взял ходатайство и пошёл в горисполком. Мне отказали. Я тогда сказал, что мне ничего не остаётся, и я напишу письмо Косыгину, что буду проситься в германское посольство, чтобы выехать туда на постоянное место жительства. Я говорю, что если туда это попадёт, то вас по головке не погладят. Он говорит – «Стой, дам я тебе квартиру». Я говорю, у нас работает в автобусном парке, например, Назаров, который имеет личную благодарность от Сталина во время войны и он тоже квартиру хочет, давайте хоть две квартиры. Он говорит, ну ладно договорись с Истоминым. Сейчас стаж, проработанный в трудармии, мне засчитывается. На меня тогда смотрели как на немца, что со мной считаться. И так это шло из года в год, и я плюнул на это. Это было в 60–м. После комендатуры нас поставили на военный учёт, стали выдавать военные билеты и перепутали: вместо 157 кавалерийский полк, написали 57. Когда стали реабилитировать, я пошёл в военкомат, там стали запросы делать, а присылают, что 57 кавалерийский полк формировался на Волге во время войны и с 18 сентября участвовал в боях и в Иране не был. Потом женщина в бухгалтерии дала адреса военного архива. Я написал, не прислали. Я написал в Москву, мне присылают оттуда всё: куда переведён, где участвовал и т.д. Моя истинная родина – Иноземцево, зачем мне теперь ехать в Германию. В 61–м году я поехал в гости в Иноземцево. Раньше, когда немцы жили, там у каждого был или двухэтажный дом или два дома, был сад у каждого. Я кончил 4 класса на немецком языке. Потом брат сказал, что нечего ходить в немецкую школу, мы живём в России. Меня сунули в 5-ый класс. Когда отец умер, я с шестилетнего возраста пошёл работать. Отец оставил завещание. Ещё справляли свадьбу серебряную, а был обычай такой у немцев: собиралось очень много родни. И если справляешь свадьбу серебряную, то все гости приносят что-нибудь серебряное. Когда мать умерла, отец распродал всё. В завещании он завещал всё разделить между нами 5 оставшимися. Это было в 1925 году, нам приходилось по 500 руб. Из меня решили сделать грамотного, я не был на иждивении, сам зарабатывал. В школу пошёл с 9-ти лет. Отношение к нам в лагере было как в фашистских лагерях. Питание было ужасное, когда были в совхозе, урожай капусты был хороший, некуда было складывать, засыпали соломой, она замерзала, и эту мёрзлую капусту варили и ели. Люди болели, умирали. Когда я был в Кирове, то думал, как же спасаться. Некоторые в стройбате устраивались сторожами работать. Там можно было у печки посидеть. Я тоже попробовал. У нас даже врачей не было. Заболел у меня желудок, мне говорят: «Хочешь, промывание сделаю?» Сделал и сказал посидеть часа три. Прихожу, а мне говорят: «Что лежишь? Иди на работу». Я говорю у меня освобождение. Дали мне справочку о необходимости легкой работы. В лагере никто с тобой не разговаривал, врачей там тоже не было, был фельдшер и то из наших, Вальт. Армия тогда для нас была раем, стремились туда. У меня брат служил на бронепоезде в Тбилиси, пришёл в звании старшины, но у него образование 3 класса и он был член партии. Стал работать командиром охраны правительственного санатория «10 лет Октября» в Кисловодске.

Когда люди умирали, я не знаю, где их хоронили. Если читаешь, на севере в штабелях клали. В общем, каждый второй умирал. Мои братья Август и Яков были в ..., и как их загнали в шахты, сделали специальный завал. Брат мой, чекист, работал с

раскулаченными, с бандитизмом. И то, как время подошло, партбилет отобрали. В 1943 г. в Свердловске он умер от истощения. По 25 человек выносили каждую ночь от истощения. Нас спасало только то, что мы были нашим отрядом, забрали нас 100 человек, а кто остался на ж/д, не позавидуешь, а тут был дикий лук, ужасные заросли терновника и шиповника, ели его и кашу варили. Возили его целыми кучами, в аптеку сдавали. Велось животноводство, было много скота. Косили до 10000 тонн сена, молоко было. Овсянку где-нибудь украдёшь, где картошечку, ночью на полях. Были случаи, когда я или ребята сторожили на полях ток, то пшеницу брали. Иногда сусликов ловили, приносили на кухню, суп варили.

Брат мой, Виктор, как ушёл в армию, так и остался служить в Тбилиси. В 1943г. он оказывается, в Томске был, мы ведь ничего дома друг про друга не знали. Здесь он женился, руководил ремонтом танков. У него квартира была хорошая, но он дома почти не бывал, и подруга жены попросилась с парнем на квартиру. Он говорит, пожалуйста, меня всё равно дома не бывает, и жене скучно. Этот парень работал в НКВД, и он стал к жене подбиваться. 7 ноября собрались праздник отметить и как бывает гости, собрались, кто-то пожаловался на своё начальство, а он якобы и говорит – ничего скоро наши здесь будут, свои порядки наведут. Этот парень на него доложил в НКВД, а его подруга подтвердила. Его судила тройка, где сейчас находится вторая музыкальная школа, там и было НКВД. 10 лет ему дали, отсидел. Освободили его, немного пожил и умер. Реабилитация его пришла, ещё и награды у него были.

Пётр работал в НКВД. Когда начались война, стали немцев выселять, если жена русская, но немецкая фамилия, то тоже выселяли, а если немка, но русская фамилия, то не трогали. У меня сестра замужем за Капилевичем, её не тронули. Пётр был на западном фронте, попал в плен, работал там фермером. Там женщины были русские, украинки, угнанные работать. Он там познакомился с одной. В 1948г. Германия стала восстанавливаться, за то, что он работал машинистом на паровозе, там брали, лишь бы технику знал и язык знал. Он стал работать на знаменитом концерне «Фольцваген». Его обучили, и он стал работать инструментальщиком. Потом он ушёл на пенсию, и каждый год по 3 месяца лежал в больнице «Баден Эм». Когда он выходил оттуда ему давали лёгкую работу, его поставили проверять автомобили с конвейера. Он всё писал что хочет приехать к нам, но тогда в 50–е годы я ему писал, что здесь плохо обращаются с нами местное население, называют нас по кличке «черноморские свиньи». Я ему писал, что родина там, где хорошо живётся, где с нами считаются. Он в письме спрашивал, какая у меня квартира. Господи, нам дали комнату 12 м<sup>2</sup>, на болоте, под полом вода всегда была. В конце концов, мы с ним поссорились и с 1981г., перестали переписываться.

В 1961 г., я приехал в свое немецкое поселение, откуда там взялись греки, армяне я понять не мог, русских было мало. Туда стремились те, кто на фронте ранен был. Дома стали продавать. Как не поедешь в это место? В 5 км Железноводск, в 3 км Пятигорск, райское место, курорт. Они приехали туда, а был такой закон «три сотки», и там не поймёшь что сделали, раньше один дом стоял, а теперь десять. Посёлок называется Иноземцево, потому что там инженер Иноземцев строил ж/д Кисловодск – Минеральные Воды, и поселился в этом месте.